

УДК 101.1

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-194-203

ХОСЕ ОРТЕГА-И-ГАССЕТ: ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Шумской Андрей Викторович

Уральский государственный университет физической культуры

Статья посвящена реконструкции философско-исторических представлений крупнейшего европейского философа XX в. Хосе Ортеги-и-Гассета. Историческое бытие человека рассматривается Ортегой в контексте различных парадигм: феноменологии, экзистенциализма, философии жизни. Показаны взгляды Ортеги-и-Гассета на содержание и структуру исторического процесса. Подчеркивается фундаментальная роль верований и идей в историческом бытии человека. Верования являются той реальностью, в которой пребывает человек. Они составляют латентный слой «логоса» человека. Идеи же порождаются интеллектуальной деятельностью человека. Подлинная первичная реальность загадочна и проблематична. Человек лишь способен создавать воображаемые миры, конструировать интерпретации, сопоставляя их с загадочной реальностью. Рассмотрены такие модусы исторического бытия человека, как самопогружение и самоотчуждение. Важнейшим структурным элементом исторического процесса является поколение. Поколение Ортега предлагает рассматривать в качестве фундаментальной исторической категории, позволяющей понять динамику и характер исторических перемен. Поколение является той траекторией, по которой движется история. Еще одной важной категорией, относящейся к историческому бытию человека, Ортега считал исторический кризис. Исторический кризис является фундаментальной формой, которую может принимать структура человеческой жизни. История представляет собой линейную систему человеческих опытов, протяженных во времени. Формы человеческой жизни в истории не бесконечны, каждый исторический этап прорастает из предыдущего. Исторический кризис является переходом в новую эпоху, своеобразной точкой бифуркации. Одним из наиболее важных достижений своей философии истории Ортега считал концепцию исторического разума. Жизнь обладает значительно более радикальным характером, чем все миры, сконструированные интеллектом. Исторический кризис современности подвел человечество к той черте, которую можно обозначить как «кардинальство жизни», а не «кардинальство мысли». В истории наступил момент, когда крах физического разума освобождает путь жизненному и историческому разуму. Исторический разум обнаруживает себя в истории как диалектический опыт человека.

Ключевые слова: Хосе Ортега-и-Гассет, история, исторический кризис, верования, идеи, исторический разум, жизнь, поколение, самопогружение, самоотчуждение, экзистенция, эпоха.

JOSE ORTEGA Y GASSET: PHILOSOPHY OF HISTORICAL BEING OF MAN

Andrey V. Shumskoy

Ural State University of Physical Culture

The article provides reconstruction of philosophical and historical ideas of Jose Ortega y Gasset, the greatest European philosopher of the 20th century. Ortega considers the historical existence of man in the context of different paradigms: phenomenology, existentialism, philosophy of life. The philosopher's views on the content and structure of the historical process are shown. The fundamental role of beliefs and ideas in the historical existence of man is emphasized. Beliefs are the reality a person lives in. They

constitute the latent layer of the man's «logos». Ideas are generated by human intellectual activity. The true primary reality is mysterious and problematic. Man is only able to create imaginary worlds, construct interpretations, comparing them with the mysterious reality. Such modes of historical human existence as self-immersion and self-alienation are considered. The most important structural element of the historical process is generation. Ortega proposes to regard generation as a fundamental historical category that allows one to understand the dynamics and nature of historical changes. The generation is the trajectory history moves along. Ortega considered historical crisis to be another important category related to the historical existence of man. The historical crisis is a fundamental form that the structure of human life can take. History is a linear system of human experiences extended in time. Forms of human life in history are not infinite, each historical stage «sprouts» from the previous one. The historical crisis is a transition to a new era, a kind of bifurcation point. Ortega considered the concept of historical reason to be one of the important achievements in his philosophy of history. Life has a much more radical nature than all the worlds constructed by intelligence. The historical crisis of modernity led humanity to the point which can be defined as «cartesianism of life», not «cartesianism of thought». There is a moment in history when collapse of the physical reason frees the way for the vital and historical reason. The historical reason finds itself in history as a dialectical experience of man.

Keywords: Jose Ortega y Gasset, history, historical crisis, beliefs, ideas, historical reason, life, generation, self-immersion, self-alienation, existence, epoch.

Введение

Ортега-и-Гассет принадлежит к числу крупнейших европейских мыслителей XX в., в творчестве которого философско-историческая проблематика была одной из ведущих тем. Большинство его философских идей можно рассматривать в рамках таких направлений, как философия жизни, феноменология и экзистенциализм. Некоторые зарубежные исследователи творчества Ортеги определяют его философию как «прагматическую философию жизни» [Graham J., 1994, с. 11]. Тема бытия человека в истории не сходит со страниц многих его философских сочинений и эссе. Проблемы философии истории для Ортеги всегда были неразрывно связаны с антропологической проблематикой, которая, в свою очередь, имплицитно содержала проблематику философии истории [Портнов А., 2007, с. 87]. К наиболее существенным чертам историософской концепции Ортеги-и-Гассета следует отнести: отказ от субъект-объектной оппозиции в описании истории и жизни, трактовка прошлого как «жизненного опыта», изоморфизм индивидуального и социального прошлого, преодоление абстрактной противоположности между эмпирическим историописанием и философским осмысливанием истории [Демин И., 2017, с. 34].

История рассматривалась Ортегой как глубинная реальность человеческой жизни, судьба и драма человека. Ортега был убежден в неотвратимости и драматизме исторического про-

цесса для человека. История является уникальным способом его присутствия в мире. Человек развертывает и реализует себя в духовном смысле только раскрывая себя как историческое существо.

Ортега принадлежал к «классикам» историзма, главным постулатом которого было утверждение изменчивости человека, отрицание раз и навсегда данной природы. Историзм Ортеги прошел следующие ступени развития: от немецких феноменологий и «философии жизни» к «экзистенциальной аналитике», к онтологии и герменевтике, в некоторых моментах сходных с концепциями М. Хайдеггера [Руткевич А., 2016, с. 124].

Обращение к философско-историческим идеям Хосе Ортеги-и-Гассета представляется актуальным в свете поисков человечеством путей выхода из кризиса современной цивилизации. Многие его философско-исторические идеи не утратили своей значимости по сей день и могут быть использованы в качестве методологического инструмента осмысливания содержания современного исторического процесса и места в нем человека. В творчестве Ортеги проявились элементы философской футурологии, чьи социальные прогнозы и философские экстраполяции спустя десятилетия получают все большее подтверждение [Титов В., 1998, с. 211]. Ортега в первую очередь был озабочен будущим Европы и теми процессами, которые захлестнули современное общество: восстание масс в истории, дегуманизация искусства и

культуры, феномен варварства, кризис рационализма.

Содержание и структура исторического процесса

Жизнь, по мнению Ортеги, представляет собой динамичную и неотвратимую драму человеческой судьбы, развертывающуюся в истории [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 249]. История человечества есть драма, сакриментальный акт, трансцендентное событие [Ортега-и-Гассет Х., 1991а, с. 325]. Отсюда следовало, что историческое знание есть высший род знания, наука о фундаментальной реальности, в которой заключена человеческая жизнь. Фундаментальная задача исторического познания — объяснить причины изменения жизненной структуры человеческого бытия. Историческая реальность соткана из относительных и абсолютных констант. Их постижение есть первостепенная тема историологии [Ортега-и-Гассет Х., 1997с, с. 269]. Ортега верно подмечает, что причина исторических перемен заключается в том, что человеческая жизнь всегда протекает в определенном возрасте. Историческое время конечно и включает в себя три пласта — начало, середину и конец жизненного пути человека [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 260]. В едином историческом времени существуют три разных жизненных возраста. Это обстоятельство задает истории напряжение и импульс. История человеческой жизни — это прежде всего изменение коллективных верований эпохи. Они составляют главный элемент обстоятельств человеческой жизни. Их изменение приводит к тому, что радикально трансформируется структура жизненной драмы человека.

Человек глубоко историчен по самой своей сути и принадлежит тому или иному поколению. Поколение является своеобразной единицей исторической жизни, выступает субъектом изменений коллективных верований. Оно представляет собой общность существующих в одном кругу сверстников и включает в себя два главных признака: единство возраста и наличие жизненных контактов [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 261]. Идею поколений Ортега рассматривает в качестве ключевого метода исторического познания.

Возраст есть важнейшая характеристика поколения, состояние и этап жизни человека, от-

ражающие структуру его жизненных забот. Наиболее важную роль в истории играет возраст от тридцати до шестидесяти. Это период развитой исторической активности человека. Историческую реальность во всей ее полноте создают люди, находящиеся на двух разных жизненных этапах, каждый из которых длится пятнадцать лет. Поколение от тридцати до сорока пяти лет только начинает создавать свой мир — это возраст вступления в творческую жизнь. Поколение от сорока пяти до шестидесяти осуществляет правление в мире, является «хозяином» социальной жизни. Взаимодействие между поколениями носит сложный и противоречивый характер.

Жизнь поколения протекает в двух измерениях: в одном оно осваивает культурный опыт предшествующих поколений; в другом отдается спонтанному потоку собственной жизни. Уравнение, образуемое этими двумя составными частями, формирует дух поколения, его жизненное мироощущение. Жизненное мироощущение Ортега рассматривает как первичный исторический феномен. Кумулятивными эпохами Ортега называет такие эпохи, в которых поколения ощущают однородность полученного в наследство и собственного культурного опыта. Напротив, эпохами отрицания являются те, в которых поколения чувствуют глубокую разнородность этих элементов. В первом случае молодые солидаризируются со старыми, подчиняются им — это эпохи старчества; во втором старики вытесняются молодыми — это времена юности, эпохи обновления и созидающей воинственности [Ортега-и-Гассет Х., 1991б, с. 6]. Изучением закономерностей исторических ритмов призвана заниматься метаистория, которую еще только следует создать [Ортега-и-Гассет Х., 1991б, с. 7].

Каждое поколение реализует в истории свое призвание, свою историческую миссию. Ее суть состоит в преобразовании окружающего мира в соответствии с характером своей спонтанности. Если поколение уклоняется от собственного призыва в истории, довольствуется исключительно теми идеями и институтами, которые были созданы предшествовавшими поколениями с иным темпераментом, то оно неизбежно обречено на жизненное крушение [Ортега-и-Гассет Х., 1991б, с. 7].

Исторические перемены в первую очередь вызваны метаморфозами, происходящими в человеческом духе. Так думал не только Ортега, но и многие его современники по цеху. Например, выдающийся русский философ Николай Бердяев, современник знаменитого испанца, полагал, что поверхностные изменения исторической жизни являются следствием глубинных духовных перемен. В «историческом» раскрывается сущность бытия, внутренняя духовная сущность мира и человека [Бердяев Н., 2002, с. 21].

Ортега писал о современной эпохе как о времени жесточайшего кризиса, когда человеку предстоит еще раз пережить глубокий переворот, подобный великому повороту 1600-х гг., положивших начало человеку Нового времени, «современному» человеку [Ортега-и-Гассет Х., 1991а, с. 282]. Период между 1350 и 1550 г. был подготовительным этапом формирования нового человека, вступившего на арену истории на рубеже XVI–XVII вв. Уклад Нового времени, сложившийся в начале XVII в., к началу XX в. исчерпал свои возможности и выявил собственную ограниченность, вступил в полосу кризиса.

Исторический кризис понимается им как точка перехода в новый этап исторического существования. Переход предполагает отрыв от привычного уклада жизни, выработку иной жизненной перспективы. Так называемое Возрождение, по мнению Ортеги, было прежде всего разрывом с традиционной культурой Средневековья, парализовавшей стихийную мощь человека [Ортега-и-Гассет Х., 1991а, с. 285].

Исторический кризис — категория, относящаяся к историческому бытию человека, фундаментальная форма, которую может принимать структура человеческой жизни. Кризис как особая историческая перемена мира может выражаться в двух формах: в нормальной и радикальной. В первом случае образ мира, значимый для одного поколения, сменяется другим, слегка модифицированным. Во втором случае система убеждений предшествующего поколения сменяется таким жизненным состоянием, когда человек оказывается в состоянии полной растерянности. Радикальная перемена мира обретает катастрофический характер; жизненный мир человека рушится. На руинах старого мира вызревают первые ростки новых идеалов, ценностей и идей [Ортега-и-Гассет Х., 1991а, с. 297].

Таким образом, кризис как важнейшая историческая категория связан с радикальным сдвигом в человеческой экзистенции [Ортега-и-Гассет Х., 1991а, с. 307]. Весь драматизм европейской истории Ортега связывает с переходом от христианского миросозерцания к гуманистическому рационализму Нового времени. Жизненное самоощущение человека, живущего в эпоху исторического кризиса, — полная потеряность, дезориентация относительно самого себя [Ортега-и-Гассет Х., 1991а, с. 322]. Такова, например, была жизненная ситуация в I в. до Рождества Христова и в эпоху Возрождения.

История представляет собой линейную систему человеческих опытов, протяженную в историческом времени. Формы человеческой жизни в истории следуют друг за другом, каждый исторический этап прорастает из предыдущего.

Современная кризисная ситуация — результат всего предыдущего развития человека. Своеобразие жизненной ситуации современного человека заключается в том, что он утратил способность различать собственное подлинное знание от мыслей, которыми живет его эпоха. Современный человек живет псевдоверованиями, которые искажают его экзистенцию [Ортега-и-Гассет Х., 1991а, с. 314].

В истории с неумолимой логикой одна эпоха циклически сменяется другой, а именно: вслед за эпохой культурной благочестивости наступает эпоха антикультурного хамства как реакция на предыдущую культурную ситуацию. Благочестивость и хамство, по мнению Ортеги, есть два ошибочных ирреальных модуса существования человека в истории.

Оказавшись в условиях исторического кризиса и лишившись надежных ориентиров, человек обращается к простоте и оправданию как средству спасения. Гением воплощения простоты в начале Нового времени был, по мнению Ортеги, Декарт, завершивший процесс выстраивания нового мира — простого, ясного и надежного. Жажда простоты, как реакция на сложность предшествовавшей культурной ситуации, побуждает человека искать возврата к первоистокам жизни. Реверсивное движение в истории может приобретать радикальный характер — от «культуры» к первобытному природному состоянию. Эпоха Возрождения была движима устремленностью «назад» [Ортега-и-

Гассет Х., 1991а, с. 342]. С 1400 по 1600 г. шел существенный процесс оправдания жизни. Человек эпохи кризиса удаляется с центра на периферию жизни, замыкаясь в определенной области бытия. Интегративность культуры сменяется импульсом дезинтеграции, отказом от идеи целостности. Таким образом, отчаяние неизбежно приводит к экстремизму.

Экстремизм Ортега определяет как образ жизни, при котором индивид стремится жить исключительно в экстремуме жизненного пространства и иметь дело только с периферийными житейскими проблемами. Экстремизм — безумная апология угла и отрицание всего остального [Ортега-и-Гассет Х., 1991а, с. 343]. Находясь в таком состоянии, человек склонен впадать в крайность, он перестает воспринимать жизнь аутентично, все больше движим разочарованием, отрицает мир человеческой культуры. Эпохи отчаяния порождают историческое лицедейство, им свойственна театральность. Ортега называет их эпохами исторического шантажа, поскольку люди, живущие в них, откликаются на любые призывы и самозабвенно идут за теми, кто их ведет [Ортега-и-Гассет Х., 1991а, с. 345].

Экстремальная ситуация жизни состоит в том, что человек находит выход в бегстве от реальности, утверждает себя сугубо отрицательно. В экстремизме существенна именно внерациональность. Разочаровавшийся в культуре индивид восстает против нее и объявляет законы и культурные нормы устаревшими. В такие эпохи человек-масса становится у кормила жизни. Экстремальная ситуация лишает человека равновесия и может иметь разный вектор развития: как в сторону улучшения, так и ухудшения. Сама жизнь становится неуравновешенной, наступают смутные времена, времена неподлинности. Кризисные эпохи изобилуют шутами, комедантами, лицедеями [Ортега-и-Гассет Х., 1991а, с. 347].

Приписывая истории некую внутреннюю диалектическую логику, Ортега в то же время отрицает в ней действие абсолютной неумолимой предопределенности, детерминации. Каждый момент исторического процесса уникален и содержит в себе множество возможностей. В истории все осуществимо — и непрерывный подъем, и постоянные откаты [Ортега-и-Гассет Х., 2002, с. 73]. Историческая жизнь

драматична и складывается из превратностей и колебаний.

Идеи и верования, их роль в исторической жизни человека

Важнейшую роль в исторической жизни человека играет мир коллективных верований эпохи. Ортега именует его «идеями эпохи», «духом времени»; данный мир значим сам по себе, объективен и обладает силой принуждения по отношению к индивиду [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 258]. Человек вынужден считаться с верованиями своего времени. Верования лежат в основании исторической жизни человека и конституируют его как историческое существо. Человек никогда не есть «перво человек», он всегда последователь, наследник и дитя прошлого [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 357]. Более того, человек всегда пребывает в определенном социокультурном контексте, «Я есть я и мое обстоятельство» [Ортега-и-Гассет Х., 1997б, с. 28].

Как формируются идеи в каждой эпохе? Суть этого процесса состоит в том, что человек обнаруживает себя в определенных обстоятельствах мира, пытается выйти за их пределы. Жизнь не дается человеку в готовом виде, она есть задание, которое необходимо реализовать. Именно поэтому человек обречен на выработку идей и принятие решений относительно своих жизненных обстоятельств. Первой непосредственной реакцией человека, помещенного в определенные обстоятельства, является попытка согласовать с ними свое верование. Человек всегда пребывает в состоянии верования. В этом смысле современная эпоха глубоко заблуждается, полагая, что первичный импульс человеческого бытия — мыслительная деятельность, а первичное отношение человека к вещам — интеллектуальное отношение. Подобную ошибку Ортега называет «идеализмом» [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 357]. Переживаемый человеком современный кризис есть расплата за подобную ошибку. Человека нельзя свести только к мышлению, его бытие многосторонне и мышление выступает лишь одним из инструментов его деятельности.

Ортега проводит различие между верованиями и идеями. Верования являются реальностью, в которой пребывает человек. Они являются латентным слоем наших размышлений о мире, об-

разуют ядро «логоса» человека. Понять дух эпохи можно только проникнув в глубинный слой человеческой жизни [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 409]. Противоположностью верований являются идеи, которые являются результатом нашей интеллектуальной деятельности. Различие понятий «мыслить о чем-то» и «считаться с чем-то» для Ортеги было принципиально важно в свете понимания структуры человеческой жизни [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 407]. Вся наша интеллектуальная жизнь вторична по отношению к нашей подлинной реальной жизни и представляет в ней лишь воображаемое значение. Наша идея о реальности не есть наша реальность. Последняя включает в себя все то, с чем мы действительно считаемся в жизни [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 409].

Почему изменяются верования людей в истории? Механизмом, порождающим новые верования, являются сомнения, которые закрадываются в глубинный слой верований. Ортега рассматривает их как способ и разновидность верования [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 415]. Различие между верой и сомнением состоит в самом содержании верования. В акте веры человеку открывается трансцендентная реальность, которая признается им в качестве истинно сущего. Сомнение сталкивает нас с реальностью двусмысленной и неустойчивой [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 416]. Сущность сомнения заключается в том, что человек пребывает в двух антагонистических верованиях относительно реальности. Потеря устойчивости и раздвоение побуждают его к интеллектуальной деятельности, нацеленной на разрешение «ментального» конфликта. Пустоты, образовавшиеся в верованиях, заполняются новыми идеями. Ортега приводит убедительный пример того, как в Средние века живая христианская вера стала постепенно угасать и с середины XV в. полностью исчезла из человеческой души. Человек того времени стал ощущать, что одного откровения недостаточно, он вновь почувствовал себя затерянным во Вселенной. XV и XVI вв. — период сильнейшего кризиса. С конца XVI — начала XVII в. европеец обретает новую спасительную веру — веру в разум. Структура мира стала представляться рациональной, сходной по своей организации с физико-математическим разумом, который стал новым посредником между человеком и миром [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 442]. В кризис-

ные эпохи значительные метаморфозы претерпевает душа человека. Ортега фиксирует определенную последовательность экзистенциальных состояний человека: от традиционной души к рационалистической, от рационалистической к разочарованной [Ортега-и-Гассет Х., 2016, с. 145]

Откуда берутся идеи? По мнению Ортеги, идеи порождаются фантазией, воображением. Среди множества воображаемых миров человек выбирает наиболее устойчивый, который он называет миром истины [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 417]. Ортега трактует истину как частный случай фантастического [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 418]. Идеи возникают и действуют там, где разрушилось или ослабло верование. Подлинная первичная реальность сама по себе не имеет образа, она проблематична в принципе. Поэтому не следует называть ее «миром». Человеческие представления и интерпретации не совпадают с первичной реальностью. С точки зрения Ортеги, жить — значит быть полностью погруженным в загадочное. Воображение человека как раз и реагирует на непроницаемость и загадочность бытия созданием «миров». Приемлемым становится тот мир, который кажется человеку максимально приближенным к реальности. Поскольку воображаемые миры существуют благодаря творчеству и воле, они являются «внутренними мирами» человека [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 426].

Важнейшим феноменом сугубо человеческой жизни Ортега считал «самопогружение», обращение человека к самому себе. Данное экзистенциальное состояние он рассматривал как особого рода творческую активность человека, направленную на создание идей. Однажды возникнув, идеи впоследствии переходят в разряд верований. Таким образом, человек существует одновременно и в загадочной реальности, и в ясном мире своих идей. Так называемый внешний мир есть всего лишь интерпретация реальности, идея, порожденная интеллектом и воображением человека. В этом смысле мир познания — это лишь один из многих внутренних миров, порождаемых воображением. Наряду с ним существуют мир религии, поэзии, «жизненного опыта» и т.д.

Творчество человека в истории. Самоуглубление и самоотчуждение

У жизни два основных модуса: с одной стороны одиночество, образующее основу подлинной жизни человека, с другой — общество, люди, масса. Наша жизнь — постоянный переход от одного полюса к другому. Жизнь обретает реальность только в той мере, в какой она подлинна. Подлинность жизни Ортега определяет как радикальное одиночество. Данное понятие он применяет исключительно к человеческой жизни. Неизбежность встречи с миром переживается только в опыте радикального одиночества [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 509]. Только наедине с собой мы познаем истину своей жизни. В отличие от животного человек не обречен на вечное нахождение вне самого себя в мире; ему дано «укрываться от мира», самоуглубляться. Человек — самоуглубленное животное, которое ищет прежде всего согласия с самим собой, поэтому он вынужден уходить в себя. Самоуглубленность — полная противоположность стадности. Адекватный человек — человек самоуглубленный, не допускающий превращения своего бытия в чужое. Противоположностью самоуглубления и подлинного существования в себе самом является бытие вне себя, то есть самоотчуждение. Человек, не соответствующий самому себе, лишается своей подлинности. Неподлинность существования — неизбежный спутник человека в его социальной жизни. Общество, как реальность коллективного социального «Я», подавляет и нивелирует человека, превращает его в «стандартного обывателя», живущего мнимой жизнью. Здесь напрашивается явная параллель с концепцией М. Хайдеггера о Das Man, т.е. обезличенном человеке.

Таким образом, жизнь человека утрачивает собственное лицо и все в большей мере становится коллективной. Индивидуальное и неповторимое «Я» подменяется и обобществляется условным социальным «Я». Процесс этот неизбежен. В самых сокровенных глубинах конкретного человека заложена информационная модель общества [Ортега-и-Гассет Х., 1991а, с. 457]. Любая культура заканчивается, по терминологии Ортеги, «социализацией», которая вырывает человека из его подлинной жизни в одиночестве. Социализация и обобществление человека повторяются всякий раз, когда исто-

рия переживает очередной кризис [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 305]. «Культурный» человек столь же задавлен и угнетен своей культурной средой, как и человек до-культурный — своим космическим окружением. Разница заключается лишь в том, что первобытный человек, самоуглубляясь и решая свои проблемы, создает культуру, возвышается над природой, «окультуривается». Человек же излишне «окультуренный», запутавшийся в тонкостях и сложностях культуры, жаждет подлинной культуры. Отсюда в истории наблюдается постоянный возврат к природе: Возрождение, Ренессанс, романтизм и вся современная эпоха.

Глубокий социокультурный кризис — реальность, в которой живет современный европеец. Трудно не согласиться с Ортегой в том, что современный человек пребывает в состоянии глубокого самоотчуждения, стремительно вырождаясь в нового варвара [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 302]. Наглядное тому свидетельство сегодня — острая проблема экстремизма и терроризма, дегуманизация культуры, господство потребительского и гедонистического образа жизни, релятивизация морали и истины.

Концепция исторического разума

Несколько веков европеец жил под знаменем рационализма — мировоззрения Нового времени, у истоков которого стояли Галилей и Декарт. Рационализм пришел на смену христианскому откровению как новое коллективное верование. Сущность его состояла в том, что мышление, интеллект стали рассматривать в отрыве от самой жизни. Более того, начиная с Возрождения и Нового времени возобладала культурристская тенденция абсолютизации культуры. Культура возвысилась над жизнью, превратившись в самодовлеющее царство, стала новым фетищем для человека. Ортега писал: «Мы помещали культуру до и сверх жизни, в то время как она должна находиться за и под ней» [Ортега-и-Гассет Х., 2006, с. 89]. Именно тогда был создан новый коллективный миф — вера в культуру как нечто отличное и обособленное от самой жизни [Ортега-и-Гассет Х., 1991а, с. 24]. Новое состояние, которое переживает Европа, Ортега именует «крахом культуры». Европейцы утратили не только веру в культуру, но и перестали быть верными самим себе; крах потерпела их жизненность.

Каково же истинное соотношение между культурой и жизнью? Культура как духовная жизнь человека есть одна из функций жизни. Фундаментальное заблуждение рационализма заключается в том, что феномен духовного был вытеснен за скобки самой жизни. Нарушение органической связи иерархической соподчиненности между культурой и жизнью привело к масштабному кризису и катастрофе. Любой перевес в сторону одного из полюсов неизбежно приводит к вырождению: бескультурная жизнь — варварство, безжизненная культура — византизм [Ортега-и-Гассет Х., 1991а, с. 22].

Культура вырастает из глубины самой жизни субъекта, его спонтанности. Все века новоевропейской истории духовная жизнь субъекта постепенно дифференцировалась и обособлялась на отдельные сегменты. Результатом данного процесса становится объективация культуры, утраты ею жизненной связи с субъектом. Как только культура утрачивает живую связь с субъектом, она превращается в священнодействие, становится мертвым ритуалом. Такова внутренняя логика жизни культуры.

Ортега считал, что в европейской истории пробил час, когда необходимо пересмотреть старые культурные догмы и предрассудки, повернуться лицом к новым жизненным императивам. Весь драматизм европейской истории связан с вопросом соотношения культуры и разума. Драма европейской истории началась с открытия Сократом разума, который он противопоставил спонтанной жизни [Ортега-и-Гассет Х., 1991а, с. 27]. С того момента борьба между разумом и жизнью не прекращалась. Острого накала борьба достигает в Новое время, которое провозгласило победу и торжество чистого разума. Если с Сократа началось всевластие разума, то современная эпоха, по мнению Ортеги, является этапом окончания торжества рационализма. Что впереди? По мнению Ортеги, за рациональностью следует открытие спонтанности. Главный результат интеллектуального развития всех предшествующих столетий — осознание того, что разум является всего лишь одной из форм и функций жизни. Вся культура как таковая есть лишь биологический инструмент. Физический разум, ставший когда-то для человека новым откровением, пришел к краху.

Наука перестала быть живой социальной ве-рой. И связано это в первую очередь с тем, что

физический разум не может сказать ничего определенного о человеке. Физический разум стремится познать человека как вещь, тело, организм. В этом состояла его фундаментальная методологическая ошибка. Науки о духе в противовес естественным наука пытаются познать человека с другого ракурса — как духовную реальность. Но от этого лучше не становится, человеческий феномен продолжает упорствовать, писал Ортега [Ортега-и-Гассет Х., 1991а, с. 450].

Ортега был уверен, что человеку начинает постепенно раскрываться новая истина о жизни — как всеобъемлющей реальности, для которой интеллект не более чем простая функция. Жизнь обладает значительно более радикальным характером, чем все миры, сконструированные интеллектом. Новую культурную ситуацию Ортега предлагает обозначить как «кардинальство жизни», а не «кардинальство мысли». Так называемые «просвещенные эпохи», воспевающие оду разуму, абсолютизирующие его, представляют собой «светлые, но скучные, худосочные времена», довольствующиеся провинциальным прозябанием [Ортега-и-Гассет Х., 2000, с. 106]. Эпоха доминации физического разума уходит в прошлое и освобождает путь жизненному и историческому разуму [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 447]. Исторический разум обнаруживает себя в истории как диалектический опыт человека.

Человек нуждается в новом откровении [Ортега-и-Гассет Х., 1991а, с. 206]. Где его искать? В самом человеке, полагал Ортега. Реальность человека — это его жизнь, то, что с ним происходит. Человек — это прежде всего история [Ортега-и-Гассет Х., 1991а, с. 209]. У человека нет неизменной сущности и природы. Его сущность может заключаться только в одном: в бесконечном драматизме его судьбы. Судьбу нельзя определить, ее можно только рассказать. Это и есть новый вид разума: «повествовательный» или исторический разум, и именно он вновь свяжет человека с огромной трансцендентной реальностью — реальностью его судьбы. В науке о человеке зреет новое откровение — разум, наука, культура имеют только одно предназначение — быть орудиями и подспорьем для жизни [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 315].

Заключение

Итак, подведем итоги. Философско-историческую концепцию Ортеги-и-Гассета преиму-

щественно следует рассматривать на стыке таких направлений, как философия жизни, феноменология и экзистенциализм, которые ему удалось достаточно убедительно синтезировать в целостную систему взглядов. Трактовка исторического процесса была им осуществлена в рамках неклассического типа философии. Ортега был чужд точки зрения на историю как на объективный процесс, направляемый провиденциально к заданной цели, либо имеющий строго прогрессивный линейный характер. В этом смысле философия истории Ортеги противоположна гегелевской и марксистской моделям истории. Если гегельяно-марксистская парадигма пытается объяснить историческую действительность, то феноменологическая интерпретация истории стремится понять человека в прошлом и через него окружающий его мир [Медушевская О., 1997, с. 20]. Философию истории Ортеги, безусловно, следует рассматривать в рамках антропологической философии истории и исторической феноменологии. История по существу своему драматична, диалектична и парадоксальна. Радикальной реальностью истории выступает именно человек, представляющий собой исторический разум, диалектически развивающийся в историческом времени. История существует и развивается именно потому, что человек является свободным субъектом и творцом, а не средством мирового духа либо Абсолюта.

Представляется, что философско-исторические построения Ортеги достаточно органично вписываются в современные интерпретации исторического процесса, в которых история предстает как жизненный мир человека, социокультурный опыт его бытия.

Список литературы

Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон+, 2002. 448 с.

Демин И.В. Учение о жизненном разуме Хоце Ортеги-и-Гассета в контексте неклассической философии истории XX века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 3. С. 23–36.

Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Методология истории. М.: РГГУ, 1997. 72 с.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: сб./ пер. с исп. М.: АСТ, 2002. 509 с.

Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве: сб./ пер. с исп. М.: Радуга, 1991. 639 с.

Ортега-и-Гассет Х. Закат революций // История философии. 2016. Т. 21, № 2. С. 132–146.

Ортега-и-Гассет Х. Запах культуры. М.: Алгоритм: Эксмо, 2006. 384 с.

Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды: пер. с исп. / сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. М.: Весь мир, 1997. 704 с.

Ортега-и-Гассет Х. Камень и небо: пер. с исп. М.: Грант, 2000. 288 с.

Ортега-и-Гассет Х. Размышления о Дон Кихоте. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997. 332 с.

Ортега-и-Гассет Х. «Философия истории» Гегеля и историология // Метафизические исследования: альманах. Вып. 2: История. СПб.: Лаборатория метафизических исследований при философском факультете СПбГУ, 1997. С. 250–281.

Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.: Наука, 1991. 408 с.

Портнов А.Н. Хоце Ортега-и-Гассет: от философии жизни к философии истории // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. 2007. № 2. С. 86–104.

Руткевич А.М. Философия истории Х. Ортеги-и-Гассета // История философии. 2016. Т. 21, № 2. С. 119–131.

Титов В.Ф. Футурологические идеи Хоце Ортеги-и-Гассета // Философия и общество. 1998. № 5. С. 211–219.

Graham J.T. A pragmatist philosophy of life in Ortega y Gasset. Columbia: University of Missouri Press, 1994. 421 p.

Получено 27.04.2019

References

Berdyaev, N. (2002). *Smysl istorii. Novoe srednevekov'ye* [The meaning of history. The new middle ages]. Moscow: Kanon+ Publ., 448 p.

Demin, I.V. (2017). *Uchenie o zhiznennom razume Hose Ortegi-i-Gasseta v kontekste neklassicheskoy filosofii istorii XX veka* [The concept of Ortega-y-Gasset's vital reason in the context of non-classical philosophy of history in the 20th century]. *Vestnik Voronezhkovo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy]. No. 3, pp. 23–36.

Graham, J.T. (1994). *A pragmatist philosophy of life in Ortega y Gasset*. Columbia: University of Missouri Press, 421 p.

- Medushevskaya, O.M. and Rumyantseva, M.F. (1997). *Metodologiya istorii* [Methodology of history]. Moscow: RSUH Publ., 72 p.
- Ortega y Gasset, J. (1991). *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. Moscow: Nauka Publ., 408 p.
- Ortega y Gasset, J. (1991). «*Degumanizatsiya iskusstva* i drugie raboty. *Esse o literature i iskusstve* [The dehumanization of art and other essays. Essay on literature and art]. Moscow: Raduga Publ., 639 p.
- Ortega y Gasset, J. (1997). «*Filosofiya istorii*» *Gegelya i istoriologiya* [«Philosophy of history» by Hegel and historiography]. *Metafizicheskie issledovaniya. Vyp. 2: Istorya* [Metaphysical studies. Iss. 2: History]. Saint-Petersburg: Laboratory of metaphysical research at the faculty of philosophy of St. Petersburg state University Publ., pp. 250–281.
- Ortega y Gasset, J. (1997). *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: Ves' mir Publ., 704 p.
- Ortega y Gasset, J. (2000). *Kamen' i nebo* [Stone and sky]. Moscow: Grant Publ., 288 p.
- Ortega y Gasset, J. (1997). *Razmyshleniya o Don Kihote* [Meditations on Don Quixote]. Saint-Petersburg: St. Petersburg University Publ., 332 p.
- Ortega y Gasset, J. (2002). *Vosstanie mass* [The revolt of the masses]. Moscow: AST Publ., 509 p.
- Ortega y Gasset, J. (2016). *Zakat revolyutsyy* [The sunset of revolution]. *Istoriya filosofii* [History of philosophy]. Vol. 21, no. 2, pp. 132–146.
- Ortega y Gasset, J. (2006). *Zapakh kul'tury* [The Smell of culture]. Moscow: Algoritm, Eksmo Publ., 384 p.
- Portnov, A.N. (2007). *Hose Ortega i Gasset: ot filosofii zhizni k filosofii istorii* [Jose Ortega y Gasset: from philosophy of life to philosophy of history]. *Vestnik gumanitarnogo fakul'teta Ivanovskogo gosudarstvennogo himiko-tehnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Faculty of Humanities of Ivanovo State University of Chemical Technology]. No. 2, pp. 86–104.
- Rutkevich, A.M. (2016). *Filosofiya istorii H. Ortegi-i-Gasseta* [Philosophy of history J. Ortega y Gasset]. *Istoriya filosofii* [History of Philosophy]. Vol. 21, no. 2, pp. 119–131.
- Titov, V.F. (1998). *Futurologicheskie idei Hose Ortegi-i-Gasseta* [Futurological ideas of Jose Ortega y Gasset]. *Filosofiya i obschestvo* [Philosophy and Society]. No. 5, pp. 211–219.

Received 27.04.2019

Об авторе

Шумской Андрей Викторович
кандидат исторических наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных наук

Уральский государственный университет
физической культуры,
454091, Челябинск, ул. Орджоникидзе, 1;
e-mail: shav.82@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9765-8754>

About the author

Andrey V. Shumskoy
Ph.D. in History, Associate Professor
of the Department of Social Sciences and Humanities

Ural State University of Physical Culture,
1, Ordzhonikidze str., Chelyabinsk, 454091, Russia;
e-mail: shav.82@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9765-8754>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Шумской А.В. Хосе Орtega-и-Гассет: философия исторического бытия человека // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 2. С. 194–203. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-194-203

For citation:

Shumskoy A.V. Jose Ortega y Gasset: philosophy of historical being of man // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 2. P. 194–203. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-194-203